

рактера и поведения Елены как уже «отрицательного» образа), но все же эта эволюция декларируется им весьма характерным способом — героиня вспоминает, что и у нее когда-то, до вхождения в свет, Грандисон был любимым героем, в то время как сейчас она увлечена его антиподом Ловласом. Так, Елена размышляет: «Помню живо, что в детстве моем любила я страстно картину высоких добродетелей в книгах и на театре; сердце мое трогалось бедствиями несчастных; ничто изящное не было чуждо моему сердцу; и я проливала слезы от удивления Грандиссону, и подобным ему героям».¹³

Далее Измайлов использует один из известных приемов характеристики героя — прием пародирования отрицательными героями положительных персонажей. Например, Елена, разыгрывая «романическую комедию» с Любковичем, одним из предполагаемых женихов, отводит себе роль Клементины, известной героини Ричардсона из романа «Грандисон». Елена притворно повторяет смиренную позу Клементины «... положила руку на сердце, взглянула на небо, опустила взоры на землю и стояла в живописном положении чувствительной Клементины».¹⁴

Итак, Измайлов создает образ сильной, волевой женщины, которая подобно Ловласу привыкла побеждать в светских любовных интригах.

При создании образа Датурова Измайлов явно ориентировался на образ Грандисона. Елена и сама его сравнивает с Грандисоном. Грандисон, как и муж, для нее скучны (она считает его «фанатиком добродетели», поступающим «по правилам строжайшей честности, наблюдаемой им во всех делах жизни»). Измайлов делает своего героя таким же принципиальным в своей добродетели, каким является ричардсоновский Грандисон. Так, Грандисон оставляет Клементину, поскольку она другого вероисповедания, а Датуров — Елену, объясняя это тем, что опасность грозит его добродетели.

Таким образом, в повести «Летучие листочки, или Тайные записки светской дамы» образы главных героев созданы под явным влиянием образов Ричардсона. Причем образ Елена — Ловлас более глубокий, чем русские Ловласы XVIII века (ср.: Ветрогон из романа Н. Эмина «Роза, полусправедливая и оригинальная повесть»; граф Плуталов и Ветролет из романов П. Львова «Российская Памела, или История Марии, добродетельной поселянки» и «София»). Главным стал отрицательный герой, чей образ, благодаря ориентации автора на известный персонаж Ричардсона, получился богаче и живее, чем положительный (Датуров).

В основе сюжета другой повести Измайлова того же года «Противоречия, или Гордость ума и слабость сердца» лежит мотив, на наш взгляд, взятый им из «Клариссы» Ричардсона. Мотив этот можно определить как мотив любви, скрытой за дружбой и внешними противоречиями. Вообще же, эта тема привлекала внимание Измайлова, о чем свидетельствует переведенный им диалог «Любовь и Дружба», который появился в «Вестнике Европы» в 1813 году, т. е. годом раньше повести «Противоречия».

¹³ Там же. № 21. С. 5.

¹⁴ Там же. № 15. С. 184.